

Розділ I

ФІЛОСОФСЬКІ ОСНОВИ ПРАВА ТА ДЕРЖАВИ

ИВАКИН А. А.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И НИКОЛАЙ ФЁДОРОВ О ПРАВЕ ЧЕЛОВЕКА НА БЕССМЕРТИЕ

«Мне нужно знать смысл моей жизни!» — восклицал Лев Толстой в своей «Исповеди». И уточнял далее: «а то, что она есть частица бесконечного, не только не придает ей смысла, но уничтожает всякий возможный смысл» [1, с. 127]. И выразил то, что он считал главным: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [1, с. 122].

Толстой постоянно искал «такой смысл» в науке, в философии, в религии, в искусстве, в практике жизни обычных людей, но нигде его не находил.

«Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» — писал другой гений, усугубляя далее свой вопрос: «Иль зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена?» Не нелепость ли? Дана и в то же время «на казнь осуждена»! Причем, заметьте, не на смерть, а на казнь! Может быть, в этом и заключается главный акцент вопрошания, причем не только у Пушкина, но и у Толстого?

И, в самом деле, Лев Николаевич часто вспоминает, какое тяжкое впечатление произвело на него в бытность его в Париже зрелище казни преступника. Он пишет, что тогда он «... понял — не умом, а всем существом, — что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка...» [1, с. 113]. И это он говорит о казни отъявленного злодея, а что тогда уж говорить об ожидающей его самого «казни»? За что его-то, талантливого и благородного, не сделавшего людям ничего такого, за что полагается предавать смертной казни!?

Не случайно Льва Толстого очень интересовала судьба невинно казненного Сократа. И внимая при этом точке зрения Шопенгауэра, Будды, библейского Соломона и других мыслителей, он завершает эту часть своего очерка весьма пессимистически: «Обманывать себя нечего.

Всё — суэта. Счастлив, кто не родился, смерть лучше жизни; надо избавиться от нее» [1, с. 132].

Толстой, кажется, не замечает, что избранная им компания мыслителей весьма неоднородна: если одни — и Толстой слышит лишь их — действительно презируют жизнь и говорят о предпочтительности для человека полного отсутствия его бытия, то вот у Сократа и Будды жизнь и уход из нее представляют собою взаимосвязанные необходимые этапы некоего целого. «Мы приближаемся к истине только настолько, насколько мы удалимся от жизни». Цитируя эти слова Сократа, Толстой не замечает, что для Сократа жизнь и смерть — это последовательные этапы познания истины. Сократ убежден в том, что после смерти его ждет встреча с Гомером, Гесиодом и другими некогда жившими, но ушедшими из жизни великими людьми, то есть Сократ, причем достаточно уверенно, ждет продолжения своего бытия в иной форме. Поэтому для него не имеет особого значения, умрет ли он естественной смертью или же посредством казни, главное, что смерть сулит ему самую значимую для него награду: познание Истины. Смерть для Сократа есть благо.

Вот Сократовой-то веры как раз и не хватает Толстому, считающему смерть злом, недопустимым насилием, лишаящим его жизнь всякого смысла.

В связи со сказанным позволю себе предположить, что знакомство с Николаем Фёдоровым пролило на душу великого писателя-мыслителя бальзам надежды на то, что продолжение жизни после смерти возможно, но не в результате чуда, в которое он как рационально мыслящий человек поверить не может, а — вполне естественным путем. Вот выдержка из письма Льва Николаевича учителю его детей В. И. Алексееву: «Есть и здесь люди. И мне дал бог сойтись с двумя. Орлов один, другой и главный Николай Фёдорович Фёдоров. Это библиотекарь Румянцевской библиотеки. Помните, я вам рассказывал. Он составил план общего дела всего человечества, имеющего целью воскрешение всех людей во плоти. Во-первых, это не так безумно, как кажется. (Не бойтесь, я не разделяю и не разделял никогда его взглядов, но я так понял их, что чувствую себя в силах защитить эти взгляды перед всяким другим верованием, имеющим внешнюю цель.) Во-вторых, и главное, благодаря этому верованию он по жизни самый чистый христианин» [2, с. 897]

Вот это всё очень важно для Толстого: оказывается, можно быть «самым чистым христианином» и придерживаться, пусть даже лично тобою откорректированных, но совершенно лишенных мистики, проктов Н. Фёдорова по воскрешению людей.

И никогда позже Л. Н. Толстой не отказывался от этой «не такой безумной, как кажется» идеи и через десять лет после письма Алексееву, в письме И. М. Ивакину, сотрудничавшему с Л. Толстым и находившемуся в дружеских отношениях с Н. Фёдоровым, он говорит о том, что мирозерцанию Николая Фёдоровича всегда сочувствовал и сочувствует

как делу, стоящему труда и как *делу общему* для всего человечества. [3, с. 235. Курсив мой. — А. И.]. Кстати, не это ли письмо Толстого Ивакину подсказало название для книги, обобщающей идеи Н. Фёдорова, изданной после его смерти его учениками в поселке-крепости Верном (ныне это — славный своими философами город Алматы)?

Н. Фёдоров считал, однако, что Лев Толстой так и не преодолел своего стремления убедить себя, что смерть — «хорошая вещь», разделяя тем самым вековые заблуждения «интеллигентной Европы», тогда как на самом деле, по глубокому убеждению Н. Фёдорова, «смерть и сознание — два непримиримых врага, ибо смерть есть слепота» [4, с. 639]. Она есть, как выражался Фёдоров, высшая мера наказания [4, с. 79] за то, что мы еще очень недалеко ушли от животных, то есть она дана нам за грехи наши, ибо мы не есть еще подлинные люди, которым смерть будет не нужна. «...Воскрешение ... есть полное торжество нравственного закона над физической необходимостью» [4, с. 198].

Я, автор данной статьи, считаю, что жизнь и философские идеи этих, таких разных и в то же время столь схожих в преданности своим интеллектуальным и практическим исканиям, выдающихся людей сыграли огромную роль во внедрении в сознание человечества того, что одно из фундаментальных естественных прав человека — *право на жизнь* имеет под собой более глубокое основание — *право на бессмертие*.

Список использованных источников

1. Толстой Л. Н. Исповедь // Собр. соч.: в 22 т. – Т. 16. – М., 1983.
2. Толстой Л. Н. Письма // Собр. соч.: в 22 т. – Т. 18. – М., 1984.
3. Толстой Л. Н. Письма // Собр. соч.: в 22 т. – Т. 19. – М., 1984.
4. Фёдоров Н. Ф. Философия Общего Дела. – М., 1982.

КАПУСТИНА Н. Б.

Національний університет «Одеська юридична академія»,
доцент кафедри філософії, кандидат юридичних наук, доцент

ЭТИКО-ПОЛІТИЧНІ ПОГЛЯДИ СОКРАТА

Значення Сократа для всієї європейської думки Ортега-і-Гассет висловив так: «Одного разу на афінській площі Сократ відкрив розум...» [3, с. 26]. Це стало відправною точкою антропоцентричного сприйняття світу сучасною людиною. І не даремно дотепер ми згадуємо крилате вираження яке використовував Сократ «Пізнай самого себе».

Відійшовши від натурфілософських уподобань своїх попередників Сократ у центр уваги ставить етико-політичну проблематику. Проблема